

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «суперэклибрис» (от лат.: *super* — сверху, *ex-libris* — из книг) объединяет группу владельческих знаков конкретных собирателей, придворных или общественных библиотек, нанесенных на поверхность книжных переплетов металлическим штампом-матрицей посредством горячего тиснения.

Исследуемые в настоящей работе суперэклибрисы включают в свое изображение либо гербы целиком, либо геральдические фигуры, образуя, таким образом, обширную группу владельческих знаков, именующихся геральдическими суперэклибрисами.

Геральдический суперэклибрис появился в Западной Европе одновременно с книгопечатанием — в XV веке. Развиваясь на протяжении XVI и XVII веков, он получил наибольшее распространение в XVIII столетии. Уже в конце XVIII века, начиная со времён Великой французской революции, объявившей войну переплетам с гербами, использование суперэклибрисов постепенно сходит на нет, повсеместно замещаясь традиционным печатным экслибрисом, а в начале XX столетия практически прекращается. В России геральдический суперэклибрис как знак книговладения массово появляется в XVIII и употребляется до начала XX века.

В качестве исторического источника геральдический суперэклибрис оказывается незаменимым для исследования дворянского быта, изучения употребления родовой геральдики, характеристики интеллектуального развития русского общества Нового времени. Не меньшее значение суперэклибрис вообще и геральдический суперэклибрис в частности имеет для изучения русского переплетного и декоративно-прикладного искусства, поскольку во внешнем оформлении переплета русской книги суперэклибрис играет одну из ключевых ролей, а экземпляры книг с геральдическими суперэклибрисами в абсолютном большинстве случаев относятся к категории книжных памятников.

Характеристика геральдического суперэкслибриса как владельческого знака, а также его неразрывная связь с самой книгой делают геральдический суперэкслибрис исключительно информативным источником для установления происхождения и бытования как конкретных книжных памятников, доказательства и характеристики вопросов подлинности, выявления возможных фальсификатов, так и решения более масштабных исследовательских задач — реконструкции целых библиотек и книжных коллекций.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СУПЕРЭКСЛИБРИСА В ЕВРОПЕ, РОССИИ И СССР¹

Интерес к геральдическому суперэкслибрису возник в Европе еще в первой половине XIX столетия; но это был не столько научный, сколько эрудитский интерес, который стал следствием как широкого распространения суперэкслибрисов в XVIII веке, так и бурного роста европейского книжного коллекционирования в 1820-е годы. Не последнюю роль в такой популярности «переплетов с гербами» у коллекционеров сыграла декоративность геральдического суперэкслибриса, благодаря чему он нередко рассматривался исключительно в контексте декоративно-прикладного искусства и до сих пор не утратил своей привлекательности для коллекционеров. Специфической особенностью геральдических суперэкслибрисов, также способствовавшей привлечению к ним дополнительного внимания, является избранность этого феномена, поскольку употребление таких владельческих знаков было прерогативой ограниченного круга собирателей книг: необходимым условием было не только наличие крупной собственной библиотеки, но и возможность заказывать переплеты со специальным тиснением, что требовало значительных средств.

Если распространность геральдических суперэкслибрисов в Европе стимулировала начало их изучения — сперва выявление, а затем атрибуцию и каталогизацию, — то их коллекционирование и тесная связь с книгопереплетным искусством невольно ограничили изучение геральдических суперэкслибрисов исключительно рамками книговедения.

Специфическая особенность опубликованных работ по данному вопросу состоит в том, что, собственно, исследований (лите-

¹ Историографический очерк имеет своей границей начало 1990-х гг., когда мы начали публиковать свои работы по данному вопросу.

ратуры) о геральдических суперэкслибрисах практически не существует, поскольку все печатные материалы по этой проблеме сводятся к каталогам или отдельным публикациям геральдических суперэкслибрисов.

Изучение и каталогизация суперэкслибрисов в Западной Европе имеет давнюю традицию. Тем не менее, общего каталога европейских геральдических суперэкслибрисов не существует, имеется лишь ряд сборников, книг или отдельных статей, где помещены воспроизведения и описания суперэкслибрисов, происходящих из различных стран, часто с подробными сведениями о владельцах книжных собраний. Это труды больше ознакомительного характера, поскольку корпус европейского геральдического материала чрезвычайно велик.

Несомненно, лучший пример такого обзорного издания — трехтомный труд немецкого исследователя Густава Адольфа Эриха Богенга «Великие библиофилы», напечатанный в Лейпциге в 1922 году², в котором характеризуются наиболее выдающиеся библиофилы прошлого и приводятся краткие описания их коллекций. Поскольку сам Богенг был специалистом в области книгопереплетного дела (им была написана фундаментальная работа по этому вопросу³), то переплетам с геральдическими суперэкслибрисами библиофилов он уделяет достаточно внимания: во втором томе, полностью отданном иллюстрациям, можно видеть воспроизведенными несколько десятков геральдических суперэкслибрисов, многие из которых являются памятниками декоративно-прикладного искусства. Наиболее знаменитые из них — суперэкслибрисы папы Павла V (1552–1623), Жака Огюста де Ту (1553–1617), графов Генриха Брюля (1700–1763) и Генриха Бюнау (1697–1762), а также некоторые редкие английские геральдические суперэкслибрисы. В числе универсальных (в географическом аспекте) изданий следует упомянуть о книге Людовика Булана «Владельческие знаки на французских и иностранных книгах»⁴, где с воспроизведениями геральдических суперэкслибрисов частных собраний библиофилов разных стран Европы соседствуют вытисненные иногда на переплетах гербы городов.

Наряду со специальными изданиями, посвященными геральдикским суперэкслибрисам, особой ценностью обладают иллюстри-

² *Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen: Geschichte der Buchersammler und ihrer Sammlungen. Bd. 1–3. Leipzig, 1922.*

³ *Bogeng G.A.E. Deutsche Einbandkunst. Halle, 1911.*

⁴ *Bouland L. Marques de livres anciennes et modernes francaises et etrangeres. Paris, 1925.*

рованные каталоги различных распродаж, где вместе с традиционными и широко известными знаками можно встретить редкие и малодоступные в специальной геральдической литературе суперэклибрисы, особенно португальские или испанские. Эталоном издания такого рода является каталог распродажи знаменитой коллекции Рафаэля Эмериана (1903–1976), издававшийся в Париже в 1972–1974 годах по мере продажи разделов его собрания⁵. Пять частей (в шести книгах) этого издания содержат воспроизведения и описания выдающихся экземпляров книг с геральдическими суперэклибрисами.

Единственной страной мира, где геральдический суперэклибрис выявлен и каталогизирован в максимальной полноте, является Франция. Уже во второй половине XIX века здесь стали издаваться работы, посвященные истории и употреблению геральдических суперэклибрисов. Этому предшествовал довольно широкий интерес французских коллекционеров, всегда высоко ценивших искусство переплета; причем во Франции в XIX столетии даже образовалось направление в книжном собирательстве — коллекционирование «переплетов с гербами». Первенствующим в популяризации этого направления в библиофильстве надо назвать знаменитого французского библиофила и писателя Шарля Нодье (1780–1844), уже с 1830 годов отдававшего в своих очерках в парижском *Bulletin du bibliophile* дань геральдическому суперэклибрису как важнейшей и интереснейшей составной части редкой книги⁶.

В 1870–1873 годах в Париже был издан составленный Жоаннисом Гигаром (1825–1892) двухтомный каталог геральдических суперэклибрисов — «Гербовник библиофила»⁷, вторым дополненным изданием напечатанный в 1890 году⁸; в этом ценнейшем для своего времени издании воспроизведено и проаннотировано несколько сотен геральдических суперэклибрисов французских библиофилов (а в издание 1890 года даже включено два русских герба). Интерес для характеристики французских суперэклибрисов представляет также большая статья французского историка и археолога Альсиуса Ледьё (1850–1912?) 1891 года, посвященная

⁵ *Bibliothèque Raphael Esmerian*. P. 1–5. Paris, 1972–1974.

⁶ Частично они опубликованы В.А. Мильчиной на русском языке: *Нодье III*. Читайте старые книги: новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. Пер. с фр. / Сост. и предисл. В.А. Мильчиной. Кн. 1–2. М., 1989.

⁷ *Guigard J. Armorial du bibliophile, avec illustrations dans le texte*. Т. 1–2. Paris, 1870–1873.

⁸ *Guigard J. Nouvel Armorial du bibliophile*. Т. 1–2. Paris, 1890.

переплетам и суперэклибрисам библиотеки Абвиля⁹ — одного из древнейших французских городов, где автор выявил, атрибутировал и каталогизировал более ста геральдических суперэклибрисов французских собирателей. Статья эта оказалась столь ценна для библиофилов и книгопродавцев, что в том же году издатели Леон Грюэль и Робер Энгельман переиздали ее отдельно, на особой бумаге, тиражом в 50 нумерованных экземпляров¹⁰. Несколько ранее на базе экземпляров парижской Национальной библиотеки хранитель Анри Бушо (1849–1906) подготовил альбом «Художественные переплеты в Национальной библиотеке», вышедший в 1888 году¹¹; кроме переплетов, этот альбом знакомит и с геральдическими суперэклибрисами на них, причем с превосходными экземплярами. Как источник сведений о владельцах геральдических суперэклибрисов представляет ценность также двухтомное исследование Эрнста Кантен-Бошара (1830–1910) о французских женщинах-библиофилах XVI, XVII и XVIII веков, изданное в 1886 году¹², где автор рассматривает судьбы знаменитых любительниц и собирательниц книг.

Все многочисленные работы и заметки, посвященные французскому геральдическому суперэклибрису, включил в себя самый значительный в европейской истории геральдики максимально полный каталог под названием «Пособие для любителей французских гербовых переплетов», вышедший в Париже на протяжении десяти лет и составивший 29 отдельных выпусков (series)¹³. Геральдические суперэклибрисы в выпусках систематизированы по геральдическому принципу — по наличию в изображенных на них гербах какой-либо геральдической фигуры. Например, во втором и третьем выпусках описаны суперэклибрисы с наличием в геральдическом щите стропила (*chevron*); подобно же отдельные классификации имеют знаки с изображением лилий, звезд, фасций и прочих элементов. Отдельно рассмотрены знаки французских монархов и представителей королевской крови, описания и воспроизведения которых занимают три самосто-

⁹ *Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville // Memoires de la societe d'emulation d'Abbeville. T. 1. Abbeville, 1891.*

¹⁰ *Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville. Paris, 1891.* Мы пользовались экземпляром № 19 из собрания РНБ (шифр 16.79.5.16).

¹¹ *Bouchot H. Les reliures d'Art a la Bibliotheque Nationale. Paris, 1888.*

¹² *Quentin-Bauchart E. Les femmes bibliophiles de France (XVI, XVII & XVIII siecles). T. 1–2. Paris, 1886.*

¹³ *Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel de l'amateur de reliures armoriees francaises. Series 1–29. Paris, 1924–1935, table — Paris, 1938.*

ятельных выпуска. Суперэкслибрисы в этом многотомном каталоге Эжена Оливье (1881–1964) и его помощников расположены под единой арабской нумерацией, проходящей сквозь все выпуски, в рамках которой с дополнительными номерами (1–1, 1–2, 1–3) расположены варианты знаков одного и того же владельца. Практически каждый номер (кроме геральдических суперэкслибрисов, владельцев которых составителям определить так и не удалось) снабжен краткой — иногда даже чересчур — биографической справкой о владельце. Научный подход авторов к составлению этого многотомного справочника замечен хотя бы потому, что при описании конкретного суперэкслибриса всегда указаны сведения о выявленном издании, на котором вытиснен этот знак и с которого конкретно он воспроизводится. Остается, однако, сожалеть, что издание построено по принципу альбома и каждый выпуск включает в себя, несмотря на значительный с виду формат и объем, лишь около ста знаков. И хотя таким образом составители имели возможность компенсировать затраты на издание, ныне исследователь, живущий не в Париже, сталкивается с серьезными трудностями: в российских государственных книгохранилищах, например, не имеется полного комплекта этого важнейшего издания; и только наличие в нашем собственном собрании полного экземпляра, происходящего из богатейшей библиотеки бывшего Zentralantiquariat Leipzig, позволило нам беспрепятственно пользоваться этим справочником.

Второй и последней из европейских стран, где суперэкслибрис каталогизирован в достаточной мере, является Великобритания. Одной из первых работ стала статья Уильяма Флетчера (1830–1913) о геральдических суперэкслибрисах, напечатанная в 1897 году в лондонском журнале «Библиографика»¹⁴; однако в 1909 году было издано намного превосходящее эту статью сочинение — каталог английских геральдических суперэкслибрисов, составленный Кириллом Давенпортом (1848–1941), блестящим знатоком переплета и владельческих знаков¹⁵. Его труд с достаточной полнотой освещает вопрос, особенно если учесть опубликованные позже исправления¹⁶.

Интересным для исследователя может быть знакомство с одной из лучших работ по истории английского переплета — книгой

¹⁴ Fletcher W.Y. English armorial book-stamps and thier owners // Bibliographica: Papers on books their history and art. Vol. III. Part. XI. London, 1897. P. 309–343.

¹⁵ Davenport C.J.H. English Heraldic Book-stamps. London, 1909.

¹⁶ Clements H.J.B. Armorial book-stamps ant their owners // The Library: Transactions of the Bibliographical Society. Vol. XX. London, 1939. P. 121–135.

хранителя библиотеки Вестминстерского аббатства Говарда Никсона (1909–1983) «Пять веков английского переплета»¹⁷, где воспроизведено значительное число превосходных экземпляров книг с геральдическими суперэклибрисами. Также через призму истории переплета для исследователя суперэклибрисов представляет интерес двухтомное печатное описание коллекции английских переплетов, завещанной Британской Библиотеке известным английским библиофилом Генри Дэвисом (1897–1977)¹⁸.

Германия является той европейской страной, где геральдика имела исключительное и поистине выдающееся значение и распространение; однако, она не может похвастаться отдельными изданиями, посвященными немецкому геральдическому суперэклибрису. Вызвано это, прежде всего, тем, что объем геральдического материала в Германии очень велик для исследования; и хотя велась подготовка больших сводов геральдических памятников, подобных французскому каталогу Эжена Оливье, но события Первой Мировой войны отдалили появление таких трудов, а Вторая Мировая война, ввиду перемещения или уничтожения большей части книжного фонда Германии, сделала это попросту невозможным.

Несмотря на отсутствие единого каталога геральдических суперэклибрисов Германии, в немецкой научной литературе имеется значительное число книг и несколько качественных статей, посвященных искусству немецкого переплета, где уделено внимание и немецкому геральдическому суперэклибрису; пользуясь этими изданиями возможно получить некоторое представление по исследуемому вопросу.

Больше всего сведений о геральдических суперэклибрисах можно почерпнуть из описаний собраний переплетов и коллекций немецких земельных библиотек. Одним из образцов такого рода литературы следует считать изданный форматом *grand in-folio* в 1925 году альбом, содержащий 100 таблиц с воспроизведениями лучших переплетов, частично украшенных геральдическими суперэклибрисами, из коллекции Прусской Государственной библиотеки в Берлине, подготовленный известным немецким книговедом Максом Иосифом Гузунгом (1882–1944)¹⁹. Также значительной ценностью обладает юбилейный сборник, посвященный искусству переплета, который издан в 1959 году в Мюнхене к четырехсотле-

¹⁷ Nixon H.M. Five centuries of english bookbinding. London, 1978.

¹⁸ Foot M.M. The Henry Davis gift: A collection of bookbindings. London, 1978. Vol. 1–2.

¹⁹ Husung M.J. Bucheinbande aus der Preussischen Staatsbibliothek zu Berlin. Leipzig, 1925.

тию Баварской государственной библиотеки²⁰. Памятники Саксонской королевской библиотеки в Дрездене описаны в альбоме с пояснительным текстом немецкого ученого Германа Артура Лиера, изданном в Лейпциге в 1892 году²¹, где воспроизведено множество немецких геральдических суперэкслибрисов. Дармштадтская земельная библиотека представлена выполненным ее директором Адольфом Шмидтом описанием коллекции переплетов — 100 таблиц in-folio, частично с изображением геральдических суперэкслибрисов, напечатанным в Лейпциге в 1921 году²².

Что касается немецких суперэкслибрисов XVI века, то они подробно рассмотрены в книге Конрада Геблера (1857–1946), посвященной немецким библиофилам XVI столетия, где имеется 35 листов таблиц с воспроизведениями переплетов, часть из которых украшена геральдическими суперэкслибрисами владельцев²³. Достаточно трудному вопросу дешифровки литерных немецких суперэкслибрисов XVI–XVII веков посвящен раздел в изданной в 1926 году в Вене монографии Ганса Богатты (1864–1947) о суперэкслибрисах «Das supralibros»²⁴.

Интересен ряд статей немецкого книговеда Фердинанда Гельднера (1902–1989), посвященных обзору немецких суперэкслибрисов — пфальцским знакам XVII и XVIII веков²⁵, а также книгам из личной библиотеки Иоганна Якоба Фюггера (1459–1525) с воспроизведением его суперэкслибриса²⁶. Из статей о суперэкслибрисах, опубликованных в периодических изданиях, необходимо упомянуть работу немецкого исследователя книжного собирательства Ганса-Эрлиха Тейтге (1926–2000), посвященную суперэкслибрисам немецких государственных библиотек, напечатанную в берлинском книговедческом журнале «Маргиналии» в 1972 году²⁷.

²⁰ *Bucheinbande aus elf Jahrhunderten / Bayerische Staatsbibliothek, 1558–1958. Munchen, 1959.*

²¹ *Lier H.A. Bucheinbande aus dem Bucherschatze der Konigle offentliche Bibliothek zu Dresden. Leipzig, 1892.*

²² *Schmidt A. Bucheinbande aus dem 14–19 Jahrhundert in der Landsbibliothek zu Darmstadt. Leipzig, 1921.*

²³ *Haebler K. Deutsche bibliophilen des 16 Jahrhundert. Leipzig, 1923.*

²⁴ *Bohatta H. Das Supralibros. Wien, 1926.*

²⁵ *Geldner F. Die Supralibros des Pfalzischen Wittelsbacher des 17 und 18 Jahrhunderts // Archiv für Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 2. Frankfurt am Main, 1963. S. 714–742.*

²⁶ *Geldner F. Überkannte „Fuggerbande“ die Fuggerischen supralibros und die anonymen Augsburgsburger „Fugger-Meister“ // Archiv für Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 3/4. Frankfurt am Main, 1963. S. 1190–1226.*

²⁷ *Teitge H.-E. Rückenverzierungen und Superexlibris an altern bestanden der deutschen Staatsbibliothek // Marginalien. Heft 48. Berlin, 1972. S. 19–27.*

Самому известному прусскому библиофилу XVIII века — королю Фридриху Великому, украшавшему переплеты своих многочисленных библиотек суперэкслибрисами, — посвящены несколько работ. Лаконичный и интересный очерк Богдана Кригера (1861–1931), где воспроизведены суперэкслибрисы короля, был издан в 1925 году²⁸. На русском языке Фридриху Великому как писателю, издателю и библиофилу посвящена специальная монография, изданная нами в 2004 году²⁹; в ней воспроизведены многочисленные переплеты с королевскими суперэкслибрисами, а также геральдический суперэкслибрис президента Берлинской Академии наук П. Мопертю.

Для атрибуции геральдических суперэкслибрисов близкой к Германии Австрии наиболее полезна статья Стефана фон Страдонитца (1863–1933) «Суперэкслибрис»³⁰.

С достаточной степенью полноты каталогизирован геральдический суперэкслибрис в Швеции. Поистине драгоценным для европейской геральдики и книговедения является каталог Артура Щёгрена (1874–1951) 1915 года, в котором подробнейшим образом описаны и воспроизведены все геральдические суперэкслибрисы шведских королей и представителей августейшей фамилии³¹. Что же касается шведских суперэкслибрисов частных лиц, то они описаны в вышедшей с 1889 по 1894 год трехтомной монографии Карла Магнуса Карландера (1837–1911), посвященной шведским библиотекам и их владельческим знакам³². Работу Карландера существенно дополняет капитальный труд Иоганна Рудбека (1867–1935) «Шведский переплет», снабженный воспроизведениями большого числа геральдических суперэкслибрисов³³.

В качестве источника для изучения и атрибуции датских геральдических суперэкслибрисов несомненную помощь окажет изданное Анкером Кистером (1864–1939) в 1938 году описание переплетов собрания Копенгагенской Королевской библиотеки³⁴, где

²⁸ *Krieger B.* Die bibliotheken Friedrichs des Grossen // *Monatshefte für bucherfreunde und graphiksammler.* Leipzig, 1925. № 1. S. 3–19.

²⁹ *Дружинин П.А.* Книги Фридриха Великого, или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежавшим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.

³⁰ *Stradonitz S.K., von.* Über Super-Exlibris // *Zeitschrift für bucheinbände.* 8 Jahrgang. 1904/1905. Heft 9. Dezember 1904. Bielfeld und Leipzig, 1904.

³¹ *Sjogren A.* Svenska kungliga och furstliga bokngaremarken. Stockolm, 1915.

³² *Carlander C.M.* Svenska bibliotek och ex-libris. Stockholm, 1889–1894. Bd. 1–3.

³³ *Rudbeck J.R.G.* Svenska bokband. Stockholm, 1910–1914. Bd. 1–3.

³⁴ *Kyster A.* The Royal Library Copenhagen. / *Bookbindings in the public collections of Denmark.* Vol. I. Copenhagen, 1938.

воспроизведены коллекционные переплеты с датскими геральдическими суперэклибрисами.

Фотографии люксембургских геральдических суперэклибрисов приведены в 1972 году Эмилем ван дер Фекене (род. 1933) в описании книжных переплетов коллекции национальной библиотеки Люксембурга³⁵. Дополняет указанную работу составленное им же иллюстрированное описание переплетов с геральдическими суперэклибрисами самого выдающегося люксембургского библиофила Пьера Эрнеста Мансфельда (1517–1604)³⁶.

Сведения об испанских геральдических суперэклибрисах — очень своеобразных и интересных для исследователя европейской геральдики — почти полностью отсутствуют. Некоторый свет на них могут пролить лишь немногочисленные воспроизведения в историческом очерке хранителя Национальной библиотеки в Мадриде Матильды Лопес Серрано об испанском переплетном искусстве³⁷.

Описания геральдических суперэклибрисов славянских стран немногочисленны. Особенно в этом контексте важно изданное в 1931 году описание выставки чешского переплета и суперэклибриса, где воспроизведены несколько чешских геральдических суперэклибрисов³⁸. Также чешские геральдические суперэклибрисы в большом количестве воспроизведены в книге по истории книжного переплета известной исследовательницы Павлины Гамановой (1894–1978)³⁹.

Геральдические суперэклибрисы Польши (часть которой входила в состав Российской империи) каталогизированы достаточно полно. Еще в 1929 году в Кракове был издан альбом Казимира Пекарского (1893–1944), содержащий 40 листов воспроизведений геральдических суперэклибрисов. Но наиболее интересны издания последних лет, которые ввели в научный оборот большую часть польских геральдических знаков XVI–XVIII веков: в 1988 году был опубликован каталог, включающий ровно сто геральдических суперэклибрисов, составленный по материалам университет-

³⁵ *Vekene E. van der.* Bemerkenswerte einbände in der nationalbibliothek zu Luxemburg. Luxemburg, 1972.

³⁶ *Vekene E. van der.* Les reliures aux armoires de Pierre Ernest de Mansfeld. Luxemburg, 1978.

³⁷ *Lopez Serrano M.* La encuadernación Española. Breve historia. Madrid, 1972.

³⁸ *Maly J.* Vystava ceskeho exlibris a supralibros v Praze // Sbornik pro exlibris a jinou užitkovou grafiku. Rocnik III, 1925–1931. V Praze, 1931. S. 119–183.

³⁹ *Hamanova P.* Zdejin knizni vazby. Praha, 1959.

ской библиотеки в Варшаве⁴⁰; а в 2001 году было опубликовано его продолжение — еще сто суперэклибрисов польских гербовладельцев⁴¹.

В России геральдический суперэклибрис был не слишком привлекателен для исследователей, что частично отражало меньшую распространенность этого явления по сравнению с Западной Европой. Незнание этого вопроса, отсутствие каталогов и сведений о русских владельцах суперэклибрисов позволили библиофилу и исследователю Борису Михайловичу Чистякову (1885–1942) отметить в 1929 году: «Насколько мало у нас в России владельцев суперэклибрисов и коллекционеров их, настолько же бедна у нас и литература о них»⁴². Эти слова справедливы лишь в отношении литературы — ведь при отсутствии литературы невозможно судить об истинном масштабе употребления в России геральдических суперэклибрисов. И действительно, сложность атрибуции суперэклибрисов зачастую была непреодолима даже для авторов публикаций, что вынуждало обнародовать суперэклибрисы без аннотаций, ограничиваясь их воспроизведением в качестве диковин.

Несмотря на такое положение, именно в России геральдический суперэклибрис впервые начал рассматриваться в качестве исторического источника. И связан такой поворот в его изучении и трактовке с деятельностью русского историка Владислава Крескентьевича Лукомского (1882–1946).

В.К. Лукомский положил основание геральдике именно как источниковедческой дисциплине, а его публикации по этой теме, ставя совершенно новую проблематику в источниковедении, отражали выдающиеся знания и эрудицию автора и содержали убедительные примеры практического применения исторического исследования геральдических источников⁴³. Именно В. К. Лукомский наглядно показал, что кроме основного вопроса геральдического исследования — собственно атрибуции герба и определения личности непосредственного гербовладельца, также наличие герба на

⁴⁰ *Spayllo M.* Polskie superexlibrisy XVI–XVIII wieku. Warszawa, 1988.

⁴¹ *Cubrzyńska-Leonarczyk M.* Polskie superexlibrisy XVI–XVIII wieku: Centuria druga. Warszawa, 2001.

⁴² Чистяков Б.М. Супер-эклибрис и библиофилия // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 136.

⁴³ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. № 1 (49). М., 1939. С. 46–76; Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып. XVII. Л., 1947. С. 49–57.

любом предмете (в том числе и на книжном переплете) способствует разрешению важных источниковедческих вопросов⁴⁴.

Однако если В.К. Лукомскому и удалось привлечь внимание непосредственно к геральдике, то исследования геральдических суперэклибрисов так и не начались. Практически все публикации XX столетия по данной проблематике носят случайный характер. Типичным примером умозаключений, нередко встречающихся при упоминании суперэклибрисов, является мысль знаменитого исследователя русской графики и книжного знака В.Я. Адарюкова (1863–1932), который писал в 1921 году: «Несомненно, что в помещичьих и частновладельческих библиотеках были в сравнительно большом употреблении эти штампы, но, само собой разумеется, что они не были изящной работы, ибо переплетное мастерство у нас никогда не стояло высоко»⁴⁵. Источником такого мнения является не столько неискушенность исследователя⁴⁶, сколько недостаточная научная разработанность самого вопроса.

Лишь единицы придерживались иной точки зрения — в основном, это были немногочисленные коллекционеры геральдических

⁴⁴ Осознавая, что в изучении геральдических суперэклибрисов невозможно избежать достаточно закономерной для научного изучения исторических источников эволюции исследовательского процесса — сперва выявления, затем подробной каталогизации, и уже только после этого источниковедческого исследования, В.К. Лукомский на протяжении более чем двадцати лет разыскивал русские геральдические суперэклибрисы и к 1939 году подготовил к печати подробный каталог. «Исчерпывающий указатель <...> русских супер-эклибрисов, установленных мною, подготовлен к печати», — писал он тогда (Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... С. 62.) Но издать эту книгу ему не представилось возможным по причине неприятия советской наукой исследований подобной тематики, а во время блокады Ленинграда рукопись вместе со всеми остальными бумагами В.К. Лукомского погибла от огня.

⁴⁵ Адарюков В.Я. Русский книжный знак. М., 1921. С. 35.

⁴⁶ Качества Адарюкова-исследователя были своеобразны. Издатель журнала «Старые годы» П.П. Вейнер пишет о нем: «Совершенно непричастный к искусству, бывший военный, затем удельный чиновник, они ни в книжном, ни соседних с ним искусствах ровно ничего не знал, но, дослужившись до пенсии и выйдя в отставку, от нечего делать и для подсобного заработка поступил в Эрмитаж для временной работы по инвентаризации в Гравюрном отделении <...> Незнакомство его с искусством и его литературою выливалось в постоянные „открытия Америк“...» (Вейнер П.П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика... / Изд. подг. И.А. Золотинкина. СПб., 2008. С. 92–93.) Менее категоричен в его оценке Э.Ф. Голлербах: «В.Я. Адарюков не слишком интересовался принципиальной стороной искусствознания. Он воплощал собою тип старого служаки, который при любом режиме считает своим единственным долгом добросовестное исполнение порученных ему обязанностей. Не мудрствуя лукаво, не вдаваясь в технические дебри, он прилежно продолжал корпеть над собиранием бесчисленных справок, над составлений описаний и словарей. <...> Оценивать Адарюкова нужно именно в этой области. Нелепо было бы упрекать его в недостатке оригинальных мыслей и остроумных сопоставлений...» (Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления. / Сост. Е.С. Голлербах. СПб., 1998. С. 176.)

суперэклибрисов, заложившие основы научного изучения этого исторического источника.

Если во Франции уже в середине XIX века было множество коллекционеров «переплетов с гербами», то в России они появились лишь в начале XX, а к концу XX века, со смертью известного московского библиофила Петра Степановича Романова (1920–1993)⁴⁷, их не стало вовсе.

Кроме упомянутого П.С. Романова, можно перечислить лишь нескольких крупных коллекционеров. Это, прежде всего, академик Николай Петрович Лихачев (1862–1936) — безусловно, самый значительный собиратель геральдических суперэклибрисов в России; Павел Евгеньевич Рейнбот (1855–1934) — библиофил, владелец знаменитой пушкинской коллекции, собиравший качественные экземпляры книг с геральдическими суперэклибрисами без особых географических пристрастий. После революции особенно были известны Сергей Александрович Мухин (1896–1933), историк Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946)⁴⁸, библиограф и книговед Оскар Эдуардович Вольценбург (1886–1971). Заслуживает особого упоминания то, что некоторые из упомянутых выше собирателей задумали написать книги о русских геральдических суперэклибрисах (труд С.А. Мухина не был окончен, а практически оконченная работа В.К. Лукомского погибла при пожаре в дни ленинградской блокады).

В архиве Н.П. Лихачева сохраняются материалы о многочисленных покупках в странах Европы — Испании, Италии, Франции, Германии... Среди них встречаются и сведения о покупках владельческих экземпляров — например, книг с эклибрисом А.Д. Кантемира или с суперэклибрисом Ж.-Б. Массильона, выписанных из Парижа в 1911 году⁴⁹; или же издания с суперэклибрисом папы Сикста V, заказанного во Флоренции в 1913 году⁵⁰ и т.д.

Хочется, пользуясь возможностью, уделить внимание и С.А. Мухину, поскольку роль его в науке 1920-х годов о книге — ключевая. Он родился в Петрограде 2 ноября 1896 года в семье коммерции советника Александра Флегонтовича и его супруги Марии Нико-

⁴⁷ Зимой 1993–1994 годов в московском Мемориальном музее-квартире издателя И.Д. Сытина состоялась выставка «Книжный переплет и суперэклибрис XVI–XIX вв. из собрания П.С. Романова», подготовленная П.А. Дружининым.

⁴⁸ В 1931 г. в письме Э.Ф. Голлербаху В.К. Лукомский дает следующее описание этого раздела своей геральдической коллекции: «Собрание суперэклибрисов на переплетах книг (а не “вырезных”): русских — около 30 и около 20 иностранных». (ОР РНБ. Ф. 207 (Архив Э.Ф. Голлербаха). Е.х. 60. Л. 28).

⁴⁹ СПФ АРАН, ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 2. Д. 116. Л. 123, счет Libraire A. Saffroy.

⁵⁰ Там же. Д. 109. Л. 89, счет T. De Marinis et Cie, Florence.

лаевны Мухиных; в 1913 году был зачислен в Шестую Петербургскую гимназию, полный курс которой окончил 20 мая 1917 года. В 1917 году, когда отец был уже статским советником, поступил слушателем на историко-филологический факультет Петроградского университета; в начале 1918 года женился на Валентине Ивановне (урожд. Каиновой). Был отчислен из университета в 1918 году ввиду социального происхождения и так и не смог окончить образования. Работал в области экспертизы старой книги, с 1920-х годов — бессменный эксперт торговой конторы «Антиквариат». Приведем выдержку из политической производственной характеристики, данной ему комиссией по чистке советского аппарата в год его кончины:

«Мухин Сергей Александрович — специалист по иностранной книге, имеет печатную работу по переплетам. Опытный работник с многолетней практикой, хорошо знает французских классиков, романтиков, хуже инкунабулы и рукописи. Работает неплохо. Незаменим за малым количеством специалистов этого рода. Вне своей специальности он — полное ничтожество: политически неразвит, не интересуется никакой общественной работой, не любит и не понимает ее сомнительной „советскости“. Лично — он типичный представитель старой, елейно-любезной, тактично-воспитанной аристократии».

Поскольку в годы советской власти интерес к истории дворянства, в том числе к дворянской геральдике, откровенно не приветствовался, то и разработка этого вопроса в исторической науке велась крайне ограниченно. Научного же исследования или каталогизации геральдических суперэклибрисов не проводилось.

В связи с вышеизложенным, особую ценность имеют любые публикации или даже упоминания.

Геральдический суперэклибрис обращал на себя внимание археографов уже в XVIII столетии. Например, когда Василий Васильевич Крестинин (1729–1795) посылал в 1791 году в Петербургскую Академию наук Новгородский летописец, то основным отличием этой рукописи, которое оговаривал В. В. Крестинин в сопроводительном письме Е.Р. Дашковой от 20 августа 1791 года, был именно суперэклибрис: «Сия книга в лист величиною, различаться может от других великоновгородских летописцев старинного письма не знаю каким гербом, который тиснением переплетчика изображен на коже, покрывающей переднюю доску сея книги»⁵¹.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 397. Л. 190.

Первым, кто не только обратил внимание на суперэкслибрис, но и счел необходимым опубликовать его изображение, был Корнилий Яковлевич Тромонин (?–1847): издавая в 1842–1845 году литографированный увраж «Достопамятности Москвы», он воспроизвел на одном из листов в цвете (коричневым и золотым) верхнюю доску переплета Острожской Библии, поволоченную кожей, на которой вытиснен российский герб и титул Ивана Грозного⁵².

Попытки начать работу по исследованию геральдического суперэкслибриса в XIX столетии предпринимались в императорской Публичной библиотеке, и связаны они с деятельностью директора библиотеки барона Модеста Андреевича Корфа (1800–1876) и хранителя редкостей Публичной библиотеки Рудольфа Ивановича (Карла-Рудольфа) Минцлова (1811–1883), доктора философии Кенигсбергского университета и преподавателя немецкого языка в Александровском лицее. Необходимо отметить, что именно благодаря заботам М.А. Корфа, начинания которого поддерживались сначала Николаем I, а затем и Александром II, Публичная библиотека стала крупнейшим книгохранилищем Европы, замечательным как по численности, так и по ценности своих книжных и рукописных собраний. Стремление М.А. Корфа перенести в Петербург все лучшее, что он мог почерпнуть из посещений европейских книгохранилищ, обратило его внимание на особые экземпляры редких изданий — он особенно отмечал книги в исторических переплетах, происходившие из знаменитых библиотек.

В правилах Публичной библиотеки, утвержденных в 1851 году, библиотекарям было предписано принимать посильное участие в устройстве выставок: «Важнейшие примечательности Библиотеки, сокрытые дотоле, так сказать, под спудом, разместить на виду всем, в особо устроенных, по разным залам, витринах и шкафах за стеклами, и каждый предмет снабдить надписью или ярлыком, достаточно объясняющими его значение»⁵³. А уже в печатном путеводителе по библиотеке 1852 года в описании овального зала бельэтажа отмечены как шкафы по периметру, в которых были расставлены экземпляры, так и выставочные подвижные витрины, в которых книги были разложены. Последние представляли собой подвижные «станки», в каждом из которых укреплялось по четыре витрины. Среди экспонатов здесь оказались и исторические

⁵² Тромонин К. Достопамятности Москвы. М. [1842–1845]. Лист 33.

⁵³ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 304.

переплеты с суперэклибрисами. Им были посвящены как шкаф, так и витрина. «Во втором шкафе — отбор экземпляров, принадлежавших разным знаменитостям: книги с гербами королей французских, шведских, польских, также с гербами разных городов, или известных библиофилов времен протекших: Дианы Пуатье, славного Де Ту, Сегье, Кольберта, Гойма и других. Рядом с ними, книги менее известного происхождения, но отличающиеся оригинальностью или богатством переплетов»⁵⁴. А в четвертой витрине первого станка — «Восемь примечательных изданий, разного содержания, XVI-го и XVII-го веков, на переплетах которых оттиснуты гербы Генриха IV-го, Марии Медичи, Людовика XIII-го, Анны Австрийской, Принцессы Орлеанской (Mademoiselle d'Orléans), кардинала Ришелье, президента Де Ту и Кольберта»⁵⁵.

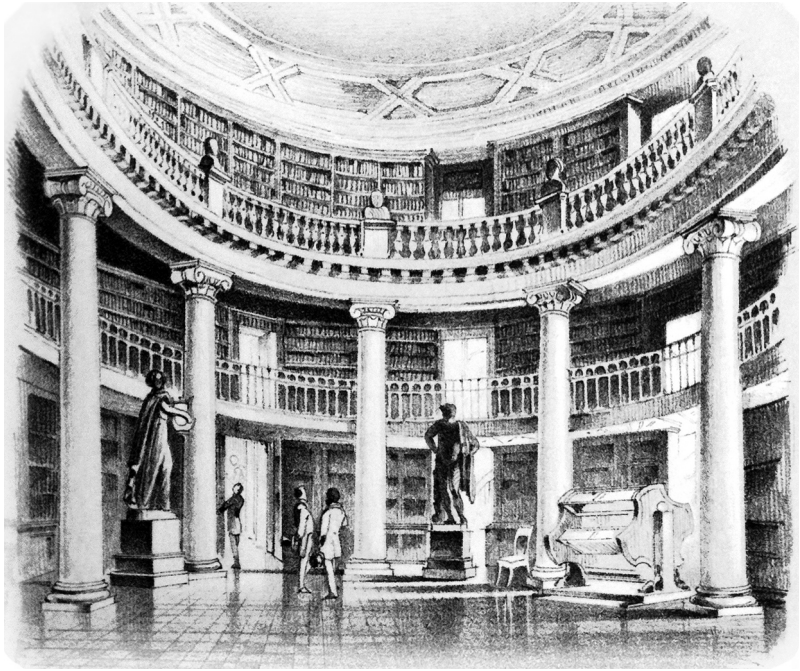
В 1853 году, под воздействием интереса публики, по распоряжению М.А. Корфа исторические переплеты были выделены в самостоятельную экспозицию (илл. I и II).

Сам барон Корф писал тогда: «Важную принадлежность благоустроенной библиотеки составляют *переплеты* — важную не только для внешнего благообразия, но и для самого сбережения книг, наконец и для истории искусства. В сем последнем смысле представилось любопытным и наставительным для наших посетителей совокупить в одно место образцы переплетов, имеющих особенную ценность или по их древности, или по употребленному на их материалу, или по украшающим их эмблемам, гербам и пр., которые свидетельствуют о принадлежности некогда тех экземпляров царственным особам, историческим знаменитостям, или известным библиографам, а к сим остаткам старины присоединить и замечательнейшие произведения нового искусства... Все эти издания старого и нового искусства помещены, совокупно, в поставленных вокруг столбов овальной залы бель-этажа шкафах особого устройства, которые, посредством простого, но удобного механизма, могут быть легко обрабатываемы, всеми их сторонами, к свету. В каждую из помещенных здесь книг вложен ярлык, означающий, где сие известно, место и эпоху переплета... Другая, подобная же выставка переплетов к рукописям, в некотором отношении, по крайней мере по степени их древности, еще более примечательная, устроена внизу, в зале рукописей, в шкафу напротив одной из витрин с точными манускриптами»⁵⁶.

⁵⁴ Путеводитель по императорской Публичной библиотеке. СПб., 1852. С. 119.

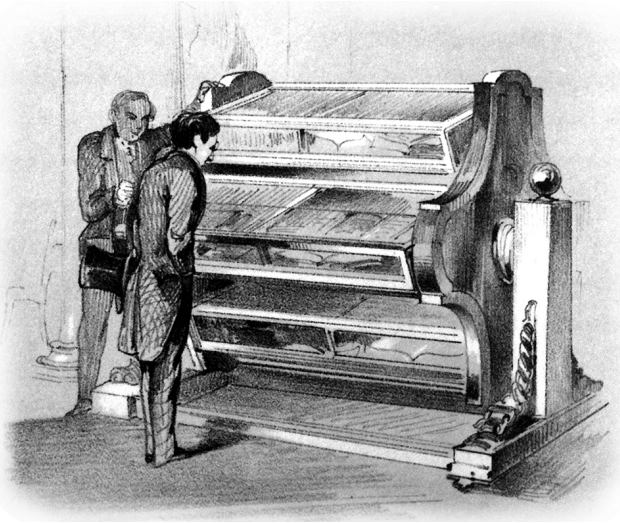
⁵⁵ Там же. С. 125.

⁵⁶ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1853 год. СПб., 1854. С. 18–20.

I

Овальный зал Публичной библиотеки, 1852

II

Станок с подвижными витринами

Специальный очерк «О выставке переплетов и заглавных листов в ротонде императорской Публичной библиотеки» был написан Р.И. Минцловым для немецких «Санкт-Петербургских Ведомостей»⁵⁷. Описывая основные разделы выставки, начинающейся хронологически с первых печатных книг, затем останавливаясь на переплетах эпохи Реформации, уникальных экземплярах из библиотеки Дианы де Пуатье, переплетах знаменитых французских мастеров нового времени — Паделу, Дерома и Тувенена, автор настаивает на большой ценности, которую имеют для истории владельческие экземпляры «с гербами» монархов и выдающихся деятелей прошлого⁵⁸. В числе прочих редкостей этой выставки Р. Минцлов упоминает о переплетах с геральдическими суперэкслибрисами европейских монархов и библиофилов. В заключение Минцлов указывает на особенно примечательные переплеты восточных рукописей библиотеки. В следующем году очерк Р.И. Минцлова был перепечатан редактором немецкого издания «Санкт-Петербургских Ведомостей» Ф.Е. Мейером в издаваемом им сборнике «Magazin für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in Russland»⁵⁹.

Эта выставка, где были «собраны примечательные переплеты и исторические экземпляры с гербами и эмблемами их прежних владельцев», была некоторое время увлечением М.А. Корфа, и в следующем, 1854 году, витрины выставки были усовершенствованы: поскольку простые стекла того времени «по недостаточной их прозрачности, препятствовали удовлетворительному осмотру» книг, то были заменены полированными (зеркальными) стеклами⁶⁰. В те же годы в библиотеке экспонирование книжных и рукописных памятников достигло таких масштабов, что в 1858 году упоминается «Отдел библиографических редкостей и выставок», в ведение которого входили и исторические переплеты с суперэкслибрисами⁶¹ (а в 1862 году именно к этому отделу была причислена поступившая из Эрмитажа библиотека Вольтера). В 1859 году экспозиция

⁵⁷ [Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // St. Petersburger Zeitung. St. Petersburg, 1853. № 196, den 6/18 september (Beilage). S. 927–928; Тогда же статья была отпечатана в виде отдельного оттиска (8 с., без титульного листа).

⁵⁸ Ibid. S. 3 (пагинация оттиска).

⁵⁹ [Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Magazin-für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in-Russland: Wissenschaftliche Mittheilungen aus den Beilagen der St. Petersburger Zeitung. Jahrg. II / Herausgegeben von Clem. Fr. Meyer. St. Petersburg, 1854. S. 608–616.

⁶⁰ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1854 год. СПб., 1855. С. 18.

⁶¹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1858 год. СПб., 1859. С. 73.

именовалась «выставкой экземпляров, принадлежавших знаменитым историческим личностям»⁶². В 1860 году «выставка исторических и вообще драгоценных переплетов, помещающаяся, за недостатком другого места, в темных шкафах, освещена посредством особого искусственного механизма»⁶³, в то время она представляла собой «шкафы с зеркальными стеклами, уставленные, снизу доверху, такими экземплярами книг разного содержания, которые, по свидетельству украшающих их переплеты эмблем, гербов и пр., принадлежали некогда царственным особам, историческим, в каком бы то ни было смысле, знаменитостям, или, наконец, известным библиографам и библиофилам»⁶⁴.

Однако намного больший интерес простых посетителей библиотеки вызывали выставки автографов или рукописных книг в Отделении рукописей, или же выставка печатных библий. Несколько анекдотический случай доносит до нас сохранившийся в бумагах М.А. Корфа отчет «редактора ученых работ» библиотеки и видного санскритолога Каэтана Андреевича Коссовича (1815–1883), одной из служебных обязанностей которого было проведение «обходов» — обзорных экскурсий по императорской Публичной библиотеке с демонстрацией основных достопримечательностей. 20 января 1860 года К.А. Коссович отметил среди экскурсантов приезжего помещика, который почему-то интересовался газетами, получаемыми библиотекой; К.А. Коссович пытался перевести внимание помещика на выставку книг с суперэкслибрисами: «Указывая на исторические переплеты, когда я сказал: „Вот эта книга принадлежала Наполеону 1-му, переплетена по его заказу, — эта Собескому, и т.д.“ — „Ну это не важно“, заметил мой помещик»⁶⁵.

Когда же в 1861 году М.А. Корф оставляет должность директора Публичной библиотеки, многочисленные его начинания в значительной степени не получают продолжения (исключение составил отдел *Rossica*). Экспозиция исторических переплетов, которую В.И. Соболюшкин в 1863 году определил как «Собрание экземпляров принадлежащих разным историческим знаменитостям и украшенных их гербами и вензелями»⁶⁶, в 1867 году была переставлена

⁶² [Корф М.А.] Десятилетие императорской Публичной библиотеки: Записка, представленная государю императору директором библиотеки. СПб., 1859. С. 19.

⁶³ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1860 год. СПб., 1861. С. 13.

⁶⁴ Путеводительно по императорской Публичной библиотеке. СПб., 1860. С. 61–62.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 380 (Архив М.А. Корфа). Оп. 1. Д. 42. Л. 104 об.

⁶⁶ [Соболюшкин В.И.] Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства Народного Просвещения: (Краткий очерк ее прошедшего и настоящего). СПб., 1863. С. 51.

в новые витрины. Р.И. Минцлов называет ее в 1872 году «музеем переплетов» и приводит описание интересующего нас раздела:

«Исторически-достопримечательные экземпляры, распознаваемые по гербам, выставлены в шкафах; направо от входа — множество французских книг, принадлежавших Бурбонам, Наполеону, Людовику Филиппу; из древнего времени одна книга, Плутарх на греческом языке, на обрезе которой видны вензеловые изображения имен Дианы Пуатье и Генриха II. Здесь есть также изящные книги, принадлежавшие Анне Австрийской, Шарлотте Орлеанской (матери регента), Помпадур, равно как Ришелье, Мазарини, Кольберту, Сегье, д'Агессо, Фуке, Боссюэту и особенно Де-Ту, которого три пчелы красуются более чем на сотне томов. На противоположной стороне идут папы и римские князья церкви, Неаполь, Савойя, Австрия, Пруссия, Англия, Швеция, Дания, Польша, Россия, Северная Америка, книги с гербами городов, другие из библиотек Брюля, Гойма, де-ла-Гарди; над дверями еще несколько неизвестных гербов»⁶⁷.

В 1856 году М.А. Корф, отправившись «с ученой целью» в продолжительное путешествие по Европе, встретился в Париже с Жаком-Жозефом Тешне (Techener; 1802–1873) — крупным букинистом, издателем наиболее авторитетного французского библиографического журнала «Bulletin du Bibliophile et de Bibliothécaire» и многолетним поставщиком редких изданий для формируемого бароном отделения Rossica. Рассказ М.А. Корфа о книжных сокровищах и новых поступлениях Публичной библиотеки настолько заинтересовал Ж.-Ж. Тешне, что французский издатель попросил М.А. Корфа представить для «Bulletin du Bibliophile» несколько статей о наиболее примечательных экземплярах.

Статья о переплетах, которая готовилась по просьбе парижского книготорговца и издателя, была заказана Р.И. Минцлову и закончена им в 1857 году⁶⁸. Кроме того, у барона М.А. Корфа созрел более масштабный проект — он задумал издание литографированного альбома с изображением исторических переплетов собрания Публичной библиотеки. Оригиналы иллюстраций для литографирования были поручены архитектору Публичной библиотеки и академику архитектуры Ивану Ивановичу Горностаеву (1821–1874), который тогда работал над воплощением своего знаменитого проекта — «кабинета Фауста», зала в готическом стиле,

⁶⁷ Минцлов Р.И. Прогулка по С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 42.

⁶⁸ Указание на заказчика статьи см.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1859 год. СПб., 1860. С. 69–70.

устроенного по мысли М.А. Корфа в Публичной библиотеке для хранения инкунабул. В отчете Публичной библиотеки за 1857 год барон М.А. Корф сообщает о работе над иллюстрациями как о завершенной: «Состоящий при библиотеке... академик Горностаев скопировал гербы, которыми украшены переплеты многих в ней книг, составляющих теперь ее собственность, но прежде принадлежавших разным историческим лицам: монархам, полководцам, государственным сановникам, ученым, известным библиофилам и пр. Рисунки эти, вместе с описанием гербов и самих книг, сделанным старшим библиотекарем Минцлофом, препровождены к известному парижскому книгопродавцу Тешнеру»⁶⁹. Но литографирование альбома не было осуществлено, по-видимому, из-за двух причин: во-первых, М.А. Корф оставил должность директора Публичной библиотеки. Во-вторых, и сам Тешне тогда задумал (возможно, его интерес возник именно благодаря проекту М.А. Корфа) издать большой альбом, в который войдут изображения наиболее ценных исторических переплетов и переплетов с гербами, что и было им осуществлено в 1861–1861 годах: альбом in-folio, который состоял из 50-ти листов с воспроизведениями, был награвирован офортисом Жюлем Жакмаром (Jacquemart; 1837–1880); издание выходило ливрезонами, то есть отдельными тетрадами-выпусками, по 5 листов иллюстраций с сопроводительным текстом.

Но статья Р.И. Минцлова была напечатана. *Bulletin du Bibliophile et de Bibliothécaire*, publ. par J. Techener в объединенном номере за ноябрь–декабрь 1858 года поместил «Заметку о старинных переплетах императорской Публичной библиотеки», одновременно статья была отпечатана и в виде отдельного оттиска⁷⁰. Эта работа не просто открывает историографию изучения суперэклибриса в России, но делает это на лучшем для того времени научно-библиографическом уровне.

Уже в подстрочном примечании редакция журнала называет автора одним из наиболее видных (*plus distingués*) русских библиографов, что убедительно доказывается и самой статьей: Р.И. Минцлов предлагает описание коллекции переплетов с суперэклибрисами императорской Публичной библиотеки. Русские императорские знаки он атрибутирует, в основном, исходя из хронологии, то есть путем соотнесения гербов на переплетах с датами на титуль-

⁶⁹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1857 год. СПб., 1858. С. 108–109.

⁷⁰ *Minzloff R. Notice sur les reliures anciennes de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersburg.* Paris, 1859.

ных листах книг, и таким образом выделяет их в соответствующие разделы (Catherine I; Pierre III et Catherine II, Alexandre I, Nicolas I). Отдельно стоит сказать о том, что описание русских знаков завершается разделом, посвященным геральдическим суперэклибрисам графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788) — «Aux armes du comte P. de Chéremétieff», где перечислены две книги с его суперэклибрисами.

Западноевропейский отдел много обширнее — тут также не только перечисление книг с гербами монархов Польши, Швеции, Дании, Пруссии, Франции, но и экземпляров с суперэклибрисами из коллекций знаменитых европейских библиофилов — Жана-Батиста Кольбера (1619–1683), Пьера Кроза (1665–1740), Жака Бениня Боссюэ (1627–1704), Никола Фуке (1615–1680), Пьера Сегье (1588–1672), Карла Генриха Хойма (1694–1736) и других; особенно пространны перечни книг из коллекции Жака Огюста де Ту (1553–1617), до сих пор составляющих сокровищницу библиотеки. К сожалению, это перечисление книг не иллюстрировано, и кроме указания на наличие герба автор не приводит никаких дополнительных сведений.

Оговорки требует и тот факт, что статья эта была написана по заказу французского библиографа и издателя, опубликована во Франции на французском языке, то есть адресована она именно европейскому читателю. В России же она не была замечена, и даже исследователи книжного знака никогда не упоминают об этом важном сочинении. Причем, русская часть статьи Р.И. Минцлова, практически полностью отданная описанию переплетов с императорскими гербами, наглядно демонстрирует тот раздел, к которому еще хотя бы как-то проявлялся тогда интерес в России — это знаки представителей царствующей фамилии.

На этом деятельность Публичной библиотеки по изучению геральдического суперэклибриса практически прекратилась. В 1863 году, когда князь С.М. Голицын предложил в обмен на несколько дублетов библиотеки *editio princeps* Сенеки 1475 года, происходившее из коллекции графа А.Г. Головкина, в переплете конца XVIII века с геральдическим суперэклибрисом графа, то приобретение было отмечено в отчете библиотеки: «*Luc. Ann. Senecae opera philosophica at epistolae. fol.*, в богатом сафьянном переплете, с гербом графов Головкиных»⁷¹. Однако в дальнейшем при включении в собрание библиотеки книжных редкостей или рукописей их переплетам особого внимания уже не уделялось, а этот приме-

⁷¹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1863 год. СПб., 1864. С. 99.

чательный экземпляр неаполитанского фолио оказался исключен как дублет еще до 1870 года⁷², подтверждая слова К.А. Коссовича о том, что продажа дублетов императорской Публичной библиотеки «рассыпала в публике множество редких и драгоценных сочинений»⁷³.

Во второй половине XIX века появляются и единичные указания на геральдические суперэкслибрисы в каталогах частных библиотек: в 1866 году было издано описание библиотеки князя Михаила Александровича Голицына (1804–1860), составленное по рукописным записям князя его семейным врачом, доктором медицины, а затем и хранителем знаменитого Голицынского музея Карлом Марковичем (Карлом-Магнусом) Гюнцбургом (1816–1889). В числе прочих там описано итальянское издание «Генриады» Вольтера 1774 года, на переплете которого вытиснен герб Голицыных⁷⁴. Причем К.М. Гюнцбург указывает, что суперэкслибрис принадлежит князю Михаилу Петровичу Голицыну (1764–1848), и в подтверждение своих слов приводит текст записки видного библиографа Михаила Петровича Полуденского (1830–1868) от 7 апреля 1862 года⁷⁵, посвященной библиотеке замечательного русского собирателя князя М.П. Голицына; именно М.П. Полуденскому принадлежит указанная атрибуция (впоследствии оказавшаяся ошибочной, в 1924 году В.В. Зенкевич установил верную атрибуцию суперэкслибриса — он принадлежит князю М.М. Голицыну)⁷⁶.

В 1872 году библиограф Г.Н. Геннади, описывая в своей книге «Русские книжные редкости» экземпляр одного из так называемых аракчеевских изданий — «Рескрипты государя Павла I к графу Аракчееву», указывает: «На виденном мной экземпляре... на переплете вытиснен герб графа Аракчеева»⁷⁷.

Также со второй половины XIX века мы встречаем и единичные упоминания о суперэкслибрисах в исторической литературе. На-

⁷² Экземпляр фолио Сенеки, хранящийся ныне в РНБ (шифр 9.22.1.8), — в переплете XVI века, именно этот экземпляр внесен Р. Минцловым в рукописный каталог 1870 года как основной (хранится в Отделе редких книг РНБ), то есть к тому времени он был уже единственным экземпляром Публичной библиотеки.

⁷³ Извлечение из отчета, представленного директору императорской Публичной библиотеки, статс-секретарю барону Корфу, редактором ученых ее работ, надворным советником Коссовичем. СПб., 1852. С. 16.

⁷⁴ Catalogue des livres de la bibliotheque du prince Michel Galitzin / Redige d'apres ses notes autographes par Ch. Gunzbourg. M., 1866. P. 189–190.

⁷⁵ Ibid. P. 190.

⁷⁶ Зенкевич В.В. Суперэкслибрисы в собрании Н. П. Лихачева: [Реферат доклада, сделанного 15 января 1924] // Труды ЛОЭ. Вып. II–III. Л., 1924. С. 8.

⁷⁷ Геннади Г.Н. Русские книжные редкости. М., 1872. С. 129.

пример, в 1862 году И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» описывает облачение одной из книг царя Федора Алексеевича: «Переплетена в коже, на ней наведен золотом орел двоеглавой»⁷⁸. Или же в 1902 году П.И. Бартнев, комментируя один из документов архива князей Куракиных, пишет: «Иван Иванович Мелиссино, куратор Московского Университета. У него была библиотека, и на книгах отпечатано изображение пчелы (мелисса)»⁷⁹.

Именно с 1902 года начинается систематическое становление науки о суперэкслибрисе в России. Первый популяризатор книжных знаков, известный библиофил и историк искусства Василий Андреевич Верещагин (1858–1931) писал: «С развитием книгопечатания, а особенно с распространением цельных кожаных переплетов, экслибрисы также часто начали появляться на их крышках и корешках, в виде вытисненных золотом штампов, как и на печатных ярлыках. Такие знаки — гербы, вензеля, монограммы, эмблемы и девизы, обыкновенно называемые суперэкслибрисами, можно видеть в замечательно изящном исполнении на переплетах многих французских и итальянских книг XVI и XVII столетия»⁸⁰.

Тогда же В.А. Верещагин опубликовал в своей книге «Русский книжный знак» первые русские суперэкслибрисы — то были знаки заводчика Андрея Родионовича Баташева (?–1799), причем как «знак неизвестного собирателя»⁸¹, и Никиты Николаевича Сумарокова (1765–1812), также как «знак неизвестного собирателя»⁸². В том же 1902 году в журнале «Антиквар» как «знак неизвестного» был воспроизведен и геральдический суперэкслибрис Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797)⁸³.

Императорская Публичная библиотека, прекратившая указывать на суперэкслибрисы при описании поступлений, возобновляет их упоминание: в отчете за 1902 год описаны экземпляры с геральдическими суперэкслибрисами французских королей и бранденбургских маркграфов⁸⁴.

⁷⁸ Цит. по: *Лебедева И.Н.* Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук: Сб. научных трудов. Л., 1989. С. 84–92. Воспроизведения этого суперэкслибриса см.: Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / Сост. Е.А. Савельева. СПб, 2006. С. 315, 352, 373, 376.

⁷⁹ Архив князя Ф.А. Куракина. М., 1902. Т. X. С. 442.

⁸⁰ *Верещагин В.А.* Указ соч. С. 33–34.

⁸¹ Там же. С. 12.

⁸² Там же. С. 19.

⁸³ Антиквар: Библиографический листок. 1902 г. СПб., 1902. С. 276.

⁸⁴ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 16, 36.

В 1903 году известный филолог, библиограф и исследователь русского переплетного искусства Павел Константинович Симоны (1859–1939) опубликовал геральдический суперэклибрис графа Петра Борисовича Шереметева, без персональной атрибуции⁸⁵, а в 1907 году этот же геральдический суперэклибрис без всякой аннотации (в качестве иллюстративного фона) был воспроизведен в журнале «Старые годы»⁸⁶. В 1914 году в журнале «Русский библиофил» появилось воспроизведение геральдического суперэклибриса барона Александра Сергеевича Строганова (1771–1815), но также без персональной атрибуции⁸⁷.

Первой выставкой, отражавшей возросший в XX веке интерес к искусству книги, переплету и его декоративно-художественным элементам, к которым зачастую относят геральдический суперэклибрис, была устроенная Кружком любителей русских изящных изданий в Петрограде в 1914 году экспозиция «Русская и иностранная книга XV–XIX века». Основным информативным источником об упоминаемой выставке является с изыском изданный каталог⁸⁸, составленный членами кружка — известными петербургскими библиофилами. Из пятисот экспонатов, представленных на этой выставке, 29 являлись книгами с русскими и европейскими геральдическими суперэклибрисами, по большей части без всяких атрибуций. На примере единичных атрибуций геральдических суперэклибрисов можно видеть типичную ситуацию, которая была характерна для первой трети XX века: если широко известные по европейской литературе геральдические суперэклибрисы известнейших библиофилов прошлого, таких как, например, фаворитка Людовика XV маркиза де Помпадур (1721–1764) или французский министр финансов Никола Фуке (1615–1680), обычно снабжены аннотацией (хотя и не всегда), то сложные знаки, особенно не французские, либо не аннотируются вовсе, либо их атрибуция является ошибочной.

После революции 1917 года произошло заметное повышение интереса к геральдическим суперэклибрисам, что объясняется огромным потоком книг из дворянских библиотек, хлынувшим на книжный рынок. На многих из этих книг, особенно на экзем-

⁸⁵ Симоны П.К. Из книжной старины XVIII столетия // Антиквар, № 11–12. СПб., 1903. С. 333.

⁸⁶ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII века // Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб., 1907. Июль–сентябрь. С. 438.

⁸⁷ Русский библиофил. СПб., 1914. № 4. С. 28.

⁸⁸ Русская и иностранная книга XV–XIX века: [Каталог] / Кружок любителей русских изящных изданий / [Сост. Кедров П.Д., Остроградский М.А., Рейнбот П.Е.]. СПб., 1914.

плярах в прекрасных переплетах, имелись геральдические суперэклибрисы. Такая доступность книг с суперэклибрисами способствовала не только их коллекционированию, но и изучению. К сожалению, одновременно с этим прекратила существование постоянная выставка переплетов с гербами, более полувека украшавшая Публичную библиотеку, оставшись ныне лишь на редких фотографиях (илл. III), а книги были распределены между отделами библиотеки⁸⁹.

1 ноября 1922 года состоялось учредительное собрание Петроградского общества эклибрисистов, созданного с «целью посвятить себя изысканиям и исследованиям по происхождению и распространению в России книжного знака»⁹⁰. Интерес к деятельности Общества был велик — уже в первый год своего существования Обществом было проведено 24 заседания (по 1 и 15 числам месяца), где было заслушано свыше 30 докладов и сообщений, «весьма важных по новым открытиям, серьезным атрибуциям и строгой систематизации всего материала»⁹¹. 4 мая 1923 года совет Петроградского общества эклибрисистов (в лице В.С. Савонько и В.А. Бриллианта) обратился в правление Российской Публичной библиотеки с просьбой принять общество в состав РПБ «на правах автономного учреждения и под наименованием Общество эклибрисистов при Российской Публичной библиотеке»⁹², представив даже образец нового устава, но правление библиотеки, рассмотрев вопрос, 22 ноября отказалось от этого предложения.

Петроградское (с 1924 года Ленинградское) общество эклибрисистов за время своего существования (по 1 января 1930 года, когда оно было принудительно введено в состав Ленинградского общества библиофилов), выпустило в свет 22 издания, посвященные книжному знаку⁹³. Особой ценностью обладают XIII выпусков выходивших под редакцией историка В.К. Лукомского Трудов ЛОЭ, которые ныне являются незаменимым источником для исследователей книжного знака⁹⁴. Непосредственно гераль-

⁸⁹ Чистяков Б.М. Суперэклибрис... С. 137.

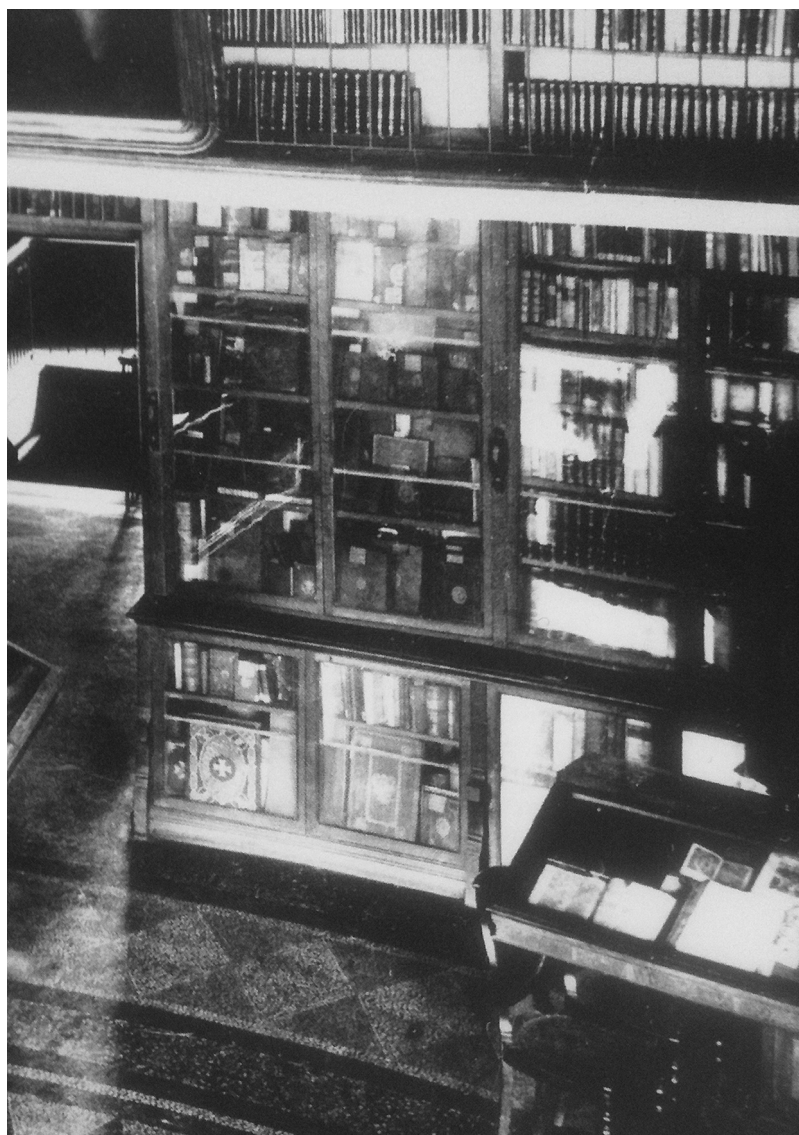
⁹⁰ Труды Ленинградского Общества Эклибрисистов. Вып. I. Л., 1924. С. 2.

⁹¹ Там же.

⁹² Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 23. Л. 1–3.

⁹³ Чистяков Б.М. Библиография изданий Ленинградского Общества Эклибрисистов // Летопись Ленинградского Общества Эклибрисистов / Труды Л. О. Э. Вып. XIII. Л., 1931. С. 24–29.

⁹⁴ В 2005 году тиражом в 36 экземпляров был напечатан свод всех тринадцати выпусков Трудов под редакцией А.Н. Михайлова, однако такой тираж стал причиной недоступности издания для читателей (Труды ЛОЭ. Выпуск I–XIII и Указатель, Ленинград 1924–1934 / Публикация А.Н. Михайлова. СПб., 2005).

III

Выставка исторических переплетов в Публичной библиотеке
(фотография начала XX века)

дическим суперэклибрисам в печатных изданиях Общества уделено не так много внимания: за все годы существования Ленинградского Общества Эклибрисистов геральдическим суперэклибрисам было посвящено только восемь докладов⁹⁵, которые были сделаны В.В. Зенкевичем, В.К. Лукомским, С.А. Мухиным, В.К. Охочинским.

Особенно стоит отметить два первых доклада, состоявшиеся в январе 1924 года: 2 января, как свидетельствует подлинный протокол, «собрание заслушало доклад С.А. Мухина “Русский *superexlibris*”, сопровождавшийся демонстрацией многочисленных репродукций, а частью и подлинных переплетов. В прениях приняли участие А.Б. Сахаров, М.И. Соломонов и В.С. Охочинский. Председатель [В.С. Савонько] отметил новизну темы, до сих пор систематически не затронутой, полноту доклада и желательность дальнейшей разработки ее. П.Г. Иванов выразил желание, всеми единодушно поддержанное, чтобы докладчик принял меры к сохранению воспроизведений *superexlibris*’ов более прочным способом, чем карандашное калькирование на папиросной бумаге»⁹⁶. (Стоит отметить, что такой способ фиксации тиснений на книжных переплетах, наиболее удобный в исследовательской работе, используется историками книги до сих пор). А 15-го числа В.В. Зенкевич продолжил начинание С.А. Мухина, выступив с докладом о суперэклибрисах собрания Н.П. Лихачева, принеся с собой подлинный экземпляр из знаменитой коллекции, украшенный геральдическим суперэклибрисом графа А.Г. Головкина. «Как уверяет докладчик, это первый случай, что книга из собрания Н.П. Лихачева вышла за пределы его музея»⁹⁷.

Еще одним свидетельством возросшего в конце 1920-х годов интереса к проблематике частновладельческих библиотек является и состоявшаяся в 1928 году в музее-усадьбе «Архангельское» под Москвой выставка художественных переплетов, где были представлены и экземпляры с геральдическими суперэклибрисами многих русских и западноевропейских библиофилов, а также представителей коронованных фамилий Европы. Подготовкой этой выставки занимались сотрудники музея под руководством директора Алексея Александровича Найдышева⁹⁸.

⁹⁵ Указатель докладов и главнейших сообщений, состоявшихся в заседаниях Ленинградского Общества Эклибрисистов // Указатели к трудам Ленинградского Общества Эклибрисистов. Л., 1934. С. 7–15.

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 76 (Биснек А.Г.) Д. 56. Л. 36–36 об.

⁹⁷ Там же. Л. 37.

⁹⁸ *Невежина В.М.* Книжная выставка музея «Архангельское» [М., 1928].

В следующем 1929 году была опубликована единственная за все время отдельная статья о геральдическом суперэклибрисе под названием «Супер-эклибрис и библиофилия»⁹⁹. Ее автор, упоминавшийся выше Б.М. Чистяков — один из энтузиастов исследования геральдических суперэклибрисов, включил в книгу как результаты своих исследований, доложенных им прежде на заседании ЛОЭ, так и достаточно подробный вводный очерк, где он делает акцент на важном значении суперэклибриса как владельческого знака. К статье приложены воспроизведения двух геральдических суперэклибрисов — родных сестер Марии-Жозефины-Луизы Прованской (1753–1810; супруги будущего французского короля Людовика XVIII) и Марии-Терезии д'Артуа (1756–1805, супруги будущего французского короля Карла X). Также в этой статье воспроизведен переплет с геральдическим суперэклибрисом князя Григория Федоровича Долгорукого (1657–1723), который первым из русских библиофилов стал во второй половине 1710-х годов ставить свой геральдический суперэклибрис на книги личной библиотеки.

В последующие годы упоминания о русских геральдических суперэклибрисах, а тем более их воспроизведения в печатных изданиях, были крайне немногочисленны — тому причиной ликвидация и централизация библиофильских обществ, а также серьезные внутривластные изменения. Ленинградское общество библиофилов, в которое с 1 января 1930 года вошло ЛОЭ, само было ликвидировано 25 июня 1931 года, а коллекция книжных знаков ЛОЭ была «принесена в дар» Публичной библиотеке. В сентябре 1931 года члены упраздненных ЛОЭ и ЛОБ получили возможность образовать секцию библиофилов и эклибрисистов Северо-Западного отделения Всесоюзного общества филателистов, которое 25 февраля 1933 года было реорганизовано в Ленинградское общество коллекционеров. Как можно установить по архивным документам, интерес к собиранию и изучению суперэклибрисов сохранился и в период существования секции библиофилов и эклибрисистов в составе ЛОК: например, 27 июля 1934 года Б.М. Чистяков, который был избран заместителем председателя секции, направил в Ленинградскую Книжную Палату следующую просьбу: «Секция библиофилов и эклибрисистов Ленинградского общества коллекционеров просит отпустить за наличный расчет для пополнения ее библиотеки и музея некоторое количество книг с super-exlibris'ами, а также изданий в интерес-

⁹⁹ Альманах библиофила. Л., 1929. С. 127–148.

ных и характерных переплетах»¹⁰⁰. Но в 1937 году и ЛОК было ликвидировано.

Единственным печатным органом, в котором могли публиковать свои статьи и заметки бывшие члены ЛОБ и ЛОЭ, стал журнал «Советский коллекционер», издаваемый Советской филателистической ассоциацией и Всесоюзным обществом филателистов¹⁰¹. Но публикации о книжном знаке не могли соперничать с материалами по филателии — единственным воспроизведением суперэкслибриса в этом печатном органе оказалась в 1929 году иллюстрация к статье члена ЛОЭ Павла Давыдовича Эттингера (1866–1848) «Экслибрис у нас и за рубежом» — это был знак польского канцлера Самуэля Мацевевского (1498–1550)¹⁰². Кроме того, важной вехой, наметившей исследование книжных знаков с позиций источниковедения, стала заметка бывшего председателя ЛОЭ Владимира Степановича Савонько (1877–1937) «Новые вспомогательные исторические дисциплины», в которой этот исследователь настаивает особом месте экслибрисистики в ряду этих дисциплин¹⁰³.

В 1932 году Б.М. Чистяков опубликовал в отдельной памятке заседания секции библиофилов и экслибрисистов Северо-западного отдела ВОФ геральдические суперэкслибрисы известного русского коллекционера Ивана Ираклиевича Куриса (1840–1898)¹⁰⁴; в 1937 году известный историк европейской книги Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968) опубликовал геральдический суперэкслибрис Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), ошибочно приписав его Александру Романовичу Воронцову (1741–1805)¹⁰⁵; в 1939 году В.К. Лукомский воспроизвел в своей статье уже известный по публикации 1902 года геральдический суперэкслибрис Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797) с правильной его атрибуцией¹⁰⁶; в 1947 в посмертной статье того же В.К. Луком-

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 76 (Биснек А.Г.) Д. 121. Л. 1 (отпуск).

¹⁰¹ См. подробнее: *Худолей В.В., Михайлов А.Н.* История Ленинградского общества экслибрисистов (1922–1930). М., 2006.

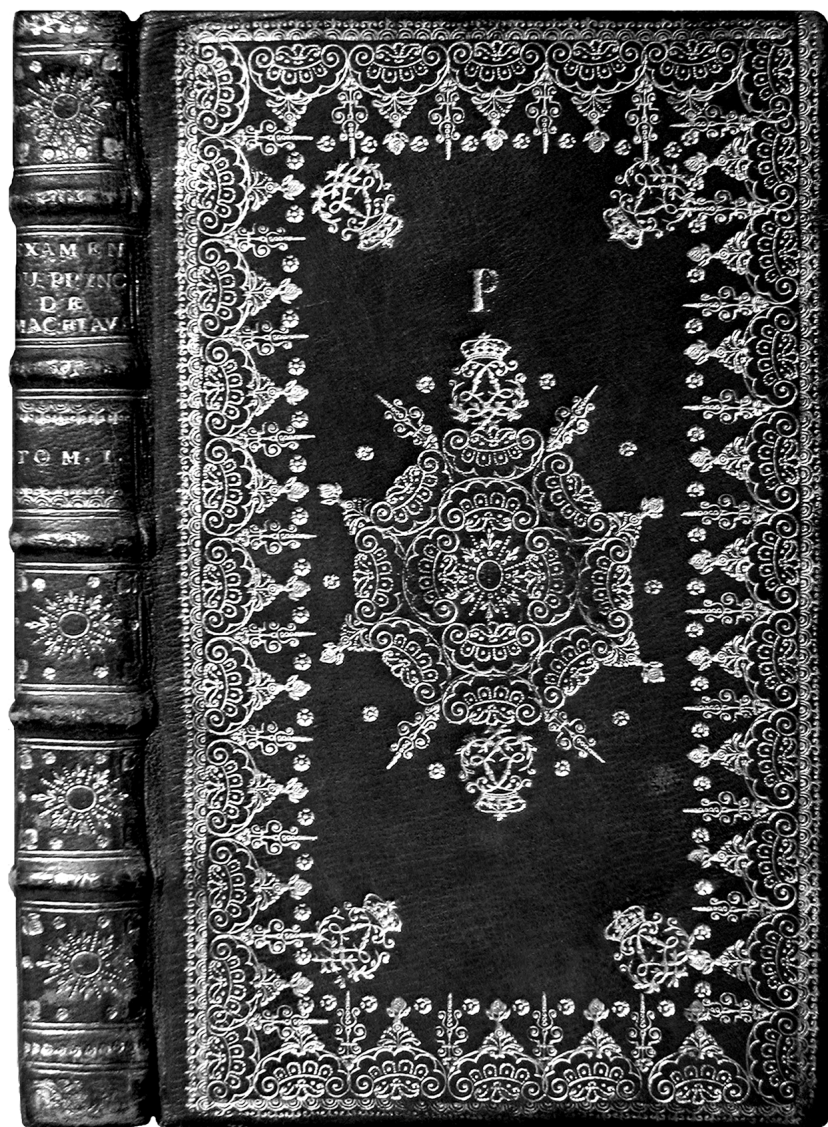
¹⁰² *Эттингер П.* Экслибрис у нас и за рубежом // Советский коллекционер. М., 1929. № 4/6. С. 42.

¹⁰³ *Савонько В.* Новые вспомогательные исторические дисциплины / Экслибрисистика // Советский коллекционер. М., 1928. № 6 (88), декабрь. С. 14–15.

¹⁰⁴ Иван Ираклиевич Курис и его коллекции: Доклад Б.М. Чистякова / XXV заседание секции библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ. Ленинград, Зимний дворец, 26 мая 1932 г. [Памятка заседания]. Л., 1932.

¹⁰⁵ *Люблинский В.С.* Наследие Вольтера в СССР // Русская культура и Франция. (Литературное наследство; Т. 29/30). М., 1937. Т. I. С. 46.

¹⁰⁶ *Лукомский В.К.* Гербовая экспертиза... С. 61.

IV

Переплет «Анти-Макиавелли» Фридриха II, 1741
(экземпляр из библиотеки Потсдамского дворца)

ского «Герб как исторический источник» был репродуцирован геральдический суперэклибрис Григория Ивановича Чернышева (1762–1831)¹⁰⁷. В 1968 при описании книжных знаков библиотеки Воронежского университета был воспроизведен геральдический «суперэклибрис Р. Тизенгаузен»¹⁰⁸, в действительности суперэклибрис известного орнитолога, библиофила и музыканта Константина Тизенгауза (1786–1853), чье имя после второго раздела Речи Посполитой вошло в состав Российской Империи и с 1796 года стало уездным городом. В 1969 году в описании библиотеки Н.П. Смирнова-Сокольского был воспроизведен геральдический суперэклибрис графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834)¹⁰⁹. В 1970 году, как «герб Паниных XVIII века», был опубликован геральдический суперэклибрис графа Никиты Петровича Панина (1770–1837)¹¹⁰.

В 1970-е годы начинается возрождение научного интереса к книжному переплету, владельческим экземплярам и, соответственно, к геральдическим суперэклибрисам. Наиболее весомый вклад в их изучение был внесен музейными, а отнюдь не библиотечными работниками (такое обстоятельство подчеркивает, что книжный переплет и суперэклибрис почти всегда — памятник культуры и искусства), и безусловное первенство здесь принадлежит Государственному Эрмитажу. В сентябре 1972 года, во время международного симпозиума, состоявшегося по случаю первого Международного года книги (проводился по предложению Советского Союза под эгидой ЮНЕСКО), Эрмитаж развернул выставку «Искусство переплета IX — начала XX века», подготовленную Кирой Абрамовной Морген¹¹¹. Тогда же началась атрибуционная работа в фондах эрмитажной библиотеки, по результатам которой в 1975 году была издана статья Жермены Константиновны Павловой «Среди эклибрисов и книжных собраний Государственного Эрмитажа»¹¹², (к сожалению, из геральдических суперэклибрисов там был описан и воспроизведен лишь суперэклибрис

¹⁰⁷ *Он же*. Герб как исторический источник... С. 54.

¹⁰⁸ Указатель книг с книжными знаками из собрания Фундаментальной библиотеки ВГУ / Воронежский университет. Фундаментальная библиотека / Сост. А.И. Слуцкий, Л.К. Коськов; под ред. О.Г. Ласунского. Воронеж, 1968. С. 19.

¹⁰⁹ *Смирнов-Сокольский Н.П.* Моя библиотека: Библиографическое описание. М., 1969. Т. 1. С. 519.

¹¹⁰ *Минаев Е.М., Фортинский С.П.* Эклибрис. М., 1970. С. 13.

¹¹¹ [Морген К.А.] Искусство переплета IX — начала XX века: (К международному году книги) / Государственный Эрмитаж. [Буклет выставки]. Л., 1972.

¹¹² *Павлова Ж.К.* Среди эклибрисов и книжных собраний Государственного Эрмитажа // Книга: исследования и материалы. Сб. 31. М., 1975. С. 155–181.

И.И. Куриса, ранее уже известный по публикации Б.М. Чистякова). В 1977 году прекрасный сафьянный переплет французской работы с этим же суперэкслибрисом вошел в число наиболее значительных образцов переплетного искусства собрания Государственного Эрмитажа, включенных в набор открыток «Западноевропейский переплет XIV–XX веков»¹¹³, также в этот набор вошли изображения трех переплетов с европейскими гербами.

В том же 1975 году при описании книжных знаков библиотеки Тартуского университета был опубликован суперэкслибрис князя Г.Ф. Долгорукого¹¹⁴, уже известный по публикации Б.М. Чистякова 1929 года.

Кроме перечисленных публикаций важно отметить единичный за все послевоенные годы пример комплексной атрибуционной работы: в 1961 году в печатном каталоге книг библиотеки Вольтера, хранящейся в ГПБ, Владимиром Александровичем Бриллиантом (1883–1969) — в прошлом ученым секретарем ЛОЭ — были атрибутированы несколько западноевропейских геральдических суперэкслибрисов из библиотеки Вольтера¹¹⁵.

В 1980-х годах во многих библиотеках начинается работа по изучению индивидуальных признаков книжных памятников. Первая публикация с упоминанием геральдических суперэкслибрисов была подготовлена сотрудницей Научной библиотеки Саратовского университета, видным библиографом Нелли Алексеевной Попковой, которая положила начало масштабной работе по научному описанию владельческих знаков саратовских библиотек, завершившейся в 2000-х годах и оказавшей значительное влияние на работу по каталогизации книжных памятников провинциальных книгохранилищ; в очерке 1982 года она пишет о существовании экземпляров с суперэкслибрисами графа Д.П. Бутурлина, дворян Коскулей, графа Д.Н. Мавроса¹¹⁶.

В 1985 году сотрудниками Отдела редких книг Научной библиотеки МГУ Евгенией Суреновной Кашутиной (1944–2012) и Натальей Гансовной Сапрыкиной (1952–1983) в каталоге книжных знаков собрания Научной библиотеки МГУ были опубликованы

¹¹³ Западноевропейский переплет XIV–XX веков: Из собрания Государственного Эрмитажа / Составитель Ж. Павлова [Набор из 16-ти открыток]. Л., 1977.

¹¹⁴ Экслибрис в научной библиотеке Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. I. С. 19.

¹¹⁵ Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.–Л., 1961. С. 70, 1165–1167.

¹¹⁶ Попкова Н.А. Экслибрис на книгах Научной библиотеки Саратовского университета // Опыт работы зональной Научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1982. № 25. С. 21–51.

сразу пять русских геральдических суперэклибрисов: Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), Павла Григорьевича Демидова (1738–1821), князя Александра Михайловича Голицына (1723–1807) и графа Никиты Ивановича Панина (1718–1783)¹¹⁷. Три из пяти указанных геральдических суперэклибрисов опубликованы в этом издании впервые; однако в атрибуции некоторых из них были допущены неточности: суперэклибрис П.Б. Шереметева был атрибутирован авторами как «суперэклибрис Шереметевых»¹¹⁸, а геральдический суперэклибрис графа Н.И. Панина — как знак «братьев Паниных»¹¹⁹. Кроме того, в этом издании был опубликован один геральдический суперэклибрис западноевропейского происхождения, атрибутированный авторами как суперэклибрис «Compin 1667 года» — «богатого семейства из Лиона, связанного с местным иезуитским домом св. Иосифа»¹²⁰; в действительности же этот геральдический суперэклибрис принадлежит лионскому адвокату Пьеру Компэну (1597–1675), чей род происходит из Лотарингии¹²¹.

В 1991 году в американском городе Тенафли (штат Нью-Джерси) было издано описание русских книжных знаков из собрания библиотеки Стенфордского университета; в этом описании воспроизведен единственный геральдический суперэклибрис — дворян Суворовых, но опубликован он автором без всякой атрибуции, как «анонимный»¹²².

Таким образом, к началу нашей работы по изучению русского геральдического суперэклибриса публикации по данной проблематике были единичны, и за все годы до 1991 включительно было в общей сложности опубликовано лишь 26 русских геральдических суперэклибрисов, причем 9 из них или были атрибутированы неверно, или публиковались в качестве анонимных, то есть корпус опубликованных и правильно атрибутированных русских геральдических суперэклибрисов насчитывал всего 17 знаков.

Как следует из сказанного выше, попытки изучения в России геральдического суперэклибриса так и не имели удовлетворительного результата — и это несмотря на то, что у истоков изу-

¹¹⁷ *Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Эклибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: Альбом–каталог. М., 1985.

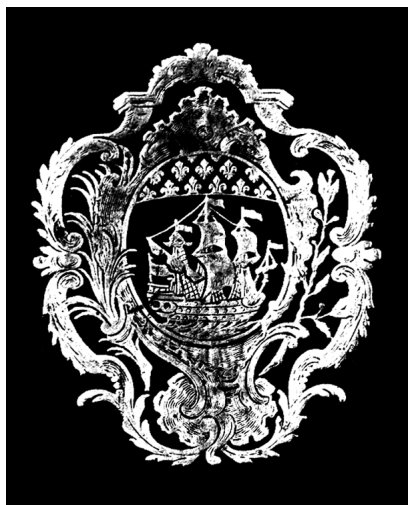
¹¹⁸ Там же. С. 42.

¹¹⁹ Там же. С. 44.

¹²⁰ Там же. С. 48.

¹²¹ *Olivier E., Hermal G., Roton R.* Manuel... Serie 12. Paris, 1928. Pl. 1199.

¹²² *Studemeister M.* Bookplates and their owners in imperial Russia: An illustrated Survey of Holdings at Stanford University. Tenafly, 1991. P. 32.

V

Герб Парижа

VI

Герб Амстердама

VII

Суперэклибрис П. Мопертюи
(на фрагменте – подпись мастера)

чения данной проблемы стояли такие выдающиеся специалисты в области вспомогательных исторических дисциплин как академик Н.П. Лихачев и профессор В.К. Лукомский. Академик Н.П. Лихачев так и не вышел за рамки их хотя и масштабного, но коллекционирования, а В.К. Лукомский попытался провести выявление и каталогизацию русских суперэкслибрисов, но ему не удалось завершить задуманное.

Указанные причины побудили нас заняться исследованием этого исторического источника, которое впоследствии производилось в соответствии с требованиями, предъявляемыми к вспомогательным историческим дисциплинам: выявление репрезентативного корпуса источников, затем разработка типологии, атрибуция выявленных источников, их научная каталогизация, и после этого источниковедческая характеристика данного вида исторических источников.